

III. ДВОЙСТВЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ СИМВОЛОЛОГИИ

0. ТЕРМИНОЛОГИЯ. СИМВОЛ – ВЕЩЬ

Термин «символология» вводится нами как обозначение направления нашей работы, а не как название новой области знания (что было бы ужасно!). И в этом смысле он параллелен гуссерлевскому термину «эгология» или буддийскому «пудгалавада». При этом мы не только полагаем, что есть такая вещь, как символ, но и полагаем, что символ есть вещь, а не условие рассмотрения или правило описания. И даже если современные мифологические и семиотические исследования не имеют в виду ни вечности символов, ни интенциональности смысла самого понятия симвонологии, мы будем говорить о них, как если бы ими имелось в виду и то и другое.

План современного анализа символов элементарен.

(А) В сегментированном тексте вычленяются физические образы (не только мыслимые, но порой и измеримые), факты, события, предметы (в том числе и числа), цвета, конструкции, ландшафты, ситуации.

(В) Эти образы, выступающие как физически определенные элементы сегментированных текстов, соотносятся с определенными нефизическими типическими состояниями.

(С) В интерпретирующем описании этих типических состояний они, как правило, являются негативными психическими состояниями, которым приписывает-

ся универсальная значимость, так же как и их вещьность — символикe, т.е. вся символюлогия, начиная с прошлого столетия и до конца нашего, — это есть уяснение, как отрицательные психические состояния человека обозначаются в тексте символами.

Но одновременно с этим планом существует и другой дополняющий его и не менее элементарный план современной символюлогии.

(а) Физические образы, о которых говорилось в (А), обладают некоторой общей значимостью, выходящей за рамки значимости не только данного текста или группы текстов, но и данной культуры.

(б) Этим образам приписывается значение, выходящее за пределы описуемых или мыслимых психических состояний. Скорее речь начинает идти уже о состояниях «людей», или «природы», или «духа», или «мира», или «времени» и т.д. Тем самым психизм этих состояний становится метафорой, они всегда суть «что-то другое».

(с) Отрицательность обозначаемых состояний переходит в нечто, что скорее можно было бы назвать «недостаточностью», «несовершенностью» или «незавершенностью».

Такая двойственность символюлогии превращает в нечто вовсе нереальное саму проблему содержания применительно к символикe.

Большинство символов, о которых говорится, что они символы, — на самом деле символы, но они соотносятся не с отрицательными психическими состояниями, а с определенными содержательностями сознания, которые сами о себе знают (как любые содержательности сознания) и о которых можно было бы предположить следующее: для вхождения в определенные структуры сознания, соотносимые с определенными символами (или с символическим аппаратом в целом), в каких-то случаях в порядке задания субъективных условий необходимо отрицательное состояние. Но сами по себе отрицательные состояния не входят

в содержательности (структур) сознания. Они входят в предварительное условие работы, посредством которой индивидуальный психический механизм способен «войти» в структуру сознания или интерпретировать нечто в смысле сознания. Отрицательность ошибочно приписывается этим символам (в смысле содержания обозначаемого), ибо в самом деле (т.е. в соотношении с сознанием) никакая оценочность не может входить в их значение. Нам представляется, что эта ошибка проистекает из непонимания того факта, что всякая структура сознания не относительно негативна, а абсолютно позитивна. Но всякий раз, когда мы обращаемся не к сознанию, а к индивидуальной психике в ее действительной или возможной включенности в структуру сознания, символ функционально может оказаться связанным с некоторыми отрицательными индивидуальными психическими особенностями, которые кажутся условиями такого включения.

Однако негативизм психологической интерпретации имел и другое, специфически гносеологическое основание: рассмотрение символов как выражений отрицательных состояний психического механизма, фактических его недоработок — особенно для психоаналитиков и неопозитивистов — и вообще учет психической стороны познавательного процесса имеют место тогда, когда психическая сторона оказывает отрицательное влияние на познавательный процесс и приводит к его срывам, сбоям. Кроме того, «психологический негативизм» вообще неотделим от аналитического направления европейской культуры. Скажем, неслучайно здесь почти универсален символ психической болезни как блага, где сами отрицательные психологические состояния, которые, продолжая называться дефектными, рассматриваются как условия духовной жизни, духовного свершения, духовного роста.

С другой стороны, ту же ситуацию мы могли бы переформулировать в смысле метатеории сознания сле-

дующим образом. В топосе европейской культуры психическое заболевание выступает (интерпретируется) как символ невозможности включения в сознательную жизнь. Хотя одновременно мы можем рассматривать тот же факт как симптом возможности осознания действительного (в отношении «невозможности») положения вещей и последующего понимания в смысле сознания. Но не сама болезнь здесь символ, а ее культурная «идеологическая» интерпретация, ее принудительная этическая концептуализация (которую подметил, в частности, Аверинцев у Чехова и Гессе. Смысл письма Гессе сводится к тому, что «если это называется больным, то я бы предпочел быть больным и при этом иметь культуру», а у Чехова в «Черном монахе» описывается процесс, когда человек, излечившись от того, что он считает болезнью, теряет для себя смысл сознательного существования). Отсюда и отношение к биографиям Достоевского и Гаршина, и современное увлечение психотомиметиками (у Олдоса Хаксли и т. д.).

Но здесь весьма важно и другое. Отрицательные состояния не только символизируются, но и символизируют, служа знаком (псевдосимволом) приобщенности к тому, что заведомо положено как ценность (культура, знание, талант и т. п.) и заведомо не есть сознание. К такому виду символов относятся и собственно психическая символика. Последняя не нужна сознанию для отражательной интерпретации психики, как в случае содержания (или структуры) сознания. Такие символы могут обслуживать «обратную работу» психического механизма на вхождение в ту или иную структуру сознания. Поэтому когда говорится о страданиях творческой личности как символе ее творческой одаренности, то на самом деле это псевдосимвол, который несет в себе некоторые дополнительные условия психической работы, могущей вообще не быть связанной с сознанием, а быть обращенной исключительно на саму себя.

Здесь важнейшим обстоятельством является то, как осознавалась такая работа. В индийской йогической практике она четко осознавалась как психотехника, т. е. там каждый раз внимание адепта или ученика обращалось на то, что это — психическая работа только над своей психикой. Это не значит, что кроме психики ничего нет, но это значит, что все, чем он (адепт) занимается, — это культивирование его психической работы, и она должна быть интерпретирована только таким образом. Более того, сознательное отношение «к психике как к психике» породило на Востоке, и в частности в Древней Индии, специфическое отношение к языку. Язык там рассматривался не только чисто инструментально и не только контролировался в качестве некоторого натурно организованного объекта, но и как раз благодаря управлению им через посредство этих псевдосимволов деавтоматизировался и депонтанизировался и сам превратился в своего рода «идеальный объект», «идеальный организм». Такое рассмотрение языка представляет собой полную антитезу современному его рассмотрению в качестве универсального аналога. Вообще мы думаем, что если метафорически говорить о деградации современной культуры, то, строго говоря, речь будет идти о ее невиданном развитии и о деградации чего-то другого — о деградации той стороны культуры, которая связана именно с «языковым монизмом» науки.

1. КОНКРЕТНАЯ СИМВОЛОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ

Теперь мы приступаем к анализу понятия символа, поскольку на уровне этой темы сознания символы могут рассматриваться как совершенно самостоятельная категория. Во-первых, символ для нас — это то, что не просто соотносится с содержательностью сознания, а та конкретная вещь, которая конкретно и вещественно соотносится с чем-то определенным в содержа-